

Паруса на заре

Часть вторая.

Коч «Помор» и лодья «Грумант» у берегов Шпицбергена. 1989 год. Фото из комплекта «Возрождение традиций», изданного Морским историко-культурным центром (Петрозаводск)

Поморский карбас – весла да парус

Мир без мастера не стоит

Поговорка

...Наше путешествие по заповедному Поморью началось с Шижни. Село это впервые упоминается в Соловецкой летописи под 1539 годом, но, несомненно, существовало и раньше. Теперь – немалый поселок у 18-го шлюза Беломоро-Балтийского канала при вхождении его в Белое море. Под окнами домов, ярусами стоящих на холмах, идут морские суда. Мы приехали сюда в поисках легенд, преданий. Надеялись записать древние памяти о Петре Великом. И записали...*

Подшли к берегу канала. Пропустили очередной теплоход. Скакнули в причаленное к берегу подозрительное плавсредство – ржавое корыто, сваренное из железа. Кое-как, борясь с довольно сильным течением куцыми весельшками, добрались до противоположного берега, переступили порог поморского дома. Памятно встретились с лодочным мастером Петром Алексеевичем Лежневым. Тогда ему было чуть

Рыбачий карбас в три пары весел. Начало XX века. Архангельская губерния, село Лопшеньга. Фото из книги И. И. Шангиной «Русский народ, будни и праздники. Энциклопедия», Санкт-Петербург, «Азбука-классика», 2003.

за шестьдесят. Это был крепкий, красивый старик.

Старый блокнот сохранил запись беседы с ним – о карбасах, лодиях и кочах старых времен, что «от отцов слышано». Тоже ведь фольклор, а корабль домодельный – произведение народного искусства! Создание традиции живущей. Навыки судостроения передаются точно так же, как заветные слова сказок и песен – от поколения к поколению.

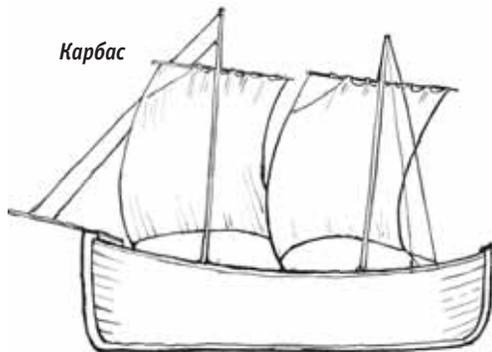
Рассказывал мастер, не оставляя работы. На домашнем стапеле стоял карбас – поморское промысловое судно**.

Первое отличие его от моей родной озерной кижанки – штевни не прихотливо изогнуты, не положи – под углом до 45°, как у онежского или, скажем, водлозерского кораблика. Нет. Они напористо противостоят волне строгой, словно по отвесу выверенной вертикалью. Хотя и здесь делаются из «кокоры» – части ствола и корня дерева.

Рассказ мужа дополняла памятьливая хозяйка дома, приветливая Ольга Александровна. Лица нам оведал теплый в ту июльскую пору полярный ветер – «сиверик».

* См. книгу : Виктор Пулькин, «Царские персты – сказы о Петре Великом», Петрозаводск, «Периодика», 2002.

Карбас

** Карбас – традиционное парусно-гребное беспалубное судно грузоподъемностью от 3 до 12 т. Карбас применялся для морского промысла на Русском Севере с глубокой древности да применяется и поныне. Впарусном варианте имел две съемные мачты для рейковых или шпритованных парусов, 3-6 пар весел. Разновидность карбаса – ела, предназначена для прибрежного крючкового лова трески. Грузоподъемность малого карбаса елы – 2-3 т.

Во всяком поморском селении еще совсем недавно можно было видеть подвешенные у стены избы сосновые «набои» для карбасов (они же – «нашвы» бортов), а также еловые кокоры для корх – штевней, еловые опруги – ребра карбаса, его будущие шпангоуты. Истинный карбас не сбивается гвоздями. Он шьется. Для «шитвы» набирали ветви (или корни) можжевельника – не толще мизинца. Сворачивали заготовку в кольца. Варили в котле, чтобы ветви стали гибкими. Высохнут – и будет карбас гибок и упруг, словно тело морского зверя! Соленой водой его не разъест. Водой не зальет, не раздавит льдами – округлое тело «выстанет» над твердьью. Спасет людей и припас.

Море не шутит. Серьезный мастер карбас шьет с молитвой: поминает Николу-Угодника впрок. Негоже, если на промысле рыбакам придется «судибोगи» класть да каяться. У нас шили карбасы поморы, которые по возрасту на промысел уже не ходили, за оком не заглядывали. Но знали, помнили лютость моря-океана.

Шили карбасы и карелы – в Залесье, на Кеми-реке, в Подужемье. Делали кораблики даже на Лоухском озере, сплавляли по Керети-реке. Лесным жителям есть досуг неспешно подобрать прочную сосну, легкую ель. Неспешно сшить лодейку. Вывести «скулу» так, чтобы безбедно идти против ветра.

Шили больше по весне, чтобы хорошо просох на солнышке кораблик. Добрый мастер приладит к бортам лодейные «крены» – дополнительные боковые подводные кили. Это узкие деревянные полозья по обеим сторонам основного кия во всю длину лодки. Станешь тянуть своей силой карбас по льду – из полыньи в полынью, тут и увидишь: придумка годная. Раньше, при дедах-падедах, с таких лодок били моржа пулей и гарпуном. А мы добывали зимой тюленя.

Карбас, как всякий корабль, привержен двум стихиям – водной и воздушной. Есть паруса, использующие силу

ветра. Поднят в Поморье и о былых «подводных парусах», улавливающих силу морских течений.

...Праздник велик – спуск на воду карбаса ли, лодейки. Называется – вдейка! «Воспоминала» нам в Сумпосаде старенькая поморка: «У нас и сроду все с устavelьско – с прозвищами, значит! – живут. Со времен, слышь, боярыни Марфы Посадницы! Я махонькая была. Лодью на воду спускал тата. Бежаны – стлани, по которым кораблик сбежит, – хорошо смазаны медвежьим салом, оно не стынет. В мае было, на Николу Вешнего. Черемуха цвела. Тата рассказывает: «Позови крестного с женой на вдейку к нам!» Прискакала я к соседям, с порога звено: «Петух да Курица! Подите на берег – нашей лодейке первую воду дать!» По прозвищу-уставу окликнула: мала, глупа. Крестный рыжу бороду белым зубом закусил. За руку меня взял. В курятник привел: «Вот тебе петух, да вот и курица! Зови их на вдейку, им честь дай!»».

Словечко жило задорное – вдейка! Ни в одном словаре нет. Само по себе живет, не сосчитано. Но вот открыл-раскрылил «Житие Святителя Николы». Прочитал: «Отверз угодник оконце. Руку в него вде, в белый свет...» Просунул, значит, «вдел» длань в открытое окно! Вот и вдейка – ввержение новопостроенного кораблика в его первый путь, на первую воду.

Карбасы бывают разного назначения, разной величины. Были карбасы белушьи. Весновальный промысел у нас – били лысуна, гренландского тюленя. Жили в море. Вернувшись домой, готовились к стрельному промыслу: брать нерпу, морских зайцев у Канина Носа. Потом – наважий, тресковый, сельдяной промысел. Был особый узкий карбас – семужий. В соответствии с назначением лодки укрепляли нашвы, утяжеляли киль. Увеличивали парусность и число весел.

Таков промысловый карбас. Но это еще и транспортный кораблик. И не только северный. Созвучное слово

*Часовня в Заонежье (XVIII в.).
Кресты и храмы служили надежными
навигационными ориентирами.*

встречаем в греческом, латинском языках. Там парусное и гребное острокилевое судно – «карбус». Из русского языка слово проникло в голландский. Бытует у вепсов. Перелистаем страницы древнерусских документов. Встретимся с карбасом на реках Русского Севера: «Торговые люди идут с Белоозера и Каргополя на карбасах с солью, рыбой». Огнепальный протопоп Аввакум путешествовал на нем по Байкалу: «В маленьком карбасе поехали морем...» Карбас поднимает белый парус и на благословенном Средиземноморье: «В карбус седши в Венеции, приплыли в монастырь Святой Марии». И опять – Поморье: «Плыл мимо Новинской заставы на карбасе крытом Федот Флоров со товарищи, а с ними рожь...»

Мощный голос красавца-теплохода ворвался в распахнутые окна. Хозяйка – до плеч в окно:

– На Лондон пошел. А то – в Средиземное, к салтанам!

– Этот – плаванья «река-море». Наш сынок на эдаком!

Недолги здесь теперь разговоры о старине-матушке.

